

**Записки Екатерины Александровны
Хвостовой, рожденной Сушковой**

1812-1841

УДК 93
ББК 63.3
3-32

3-32 Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой: 1812-1841 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 276 с.

ISBN 978-5-518-09406-2

Материалы для биографии М.Ю. Лермонтова.

ISBN 978-5-518-09406-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

10-го октября 1868 г. въ Петербургѣ послѣ непродолжительной болѣзни, на 57-мъ году отъ роду, скончалась Екатерина Александровна Хвостова, рожденная Сушкова. Покойница оставила послѣ себя собственноручныя записки. Записки эти предоставлены въ наше распоряженіе, для обнародованія ихъ, дочерьми г-жи Хвостовой, Анастасіей Александровной и Александрой Александровной. — Воспоминанія эти составлены покойницей болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1836—1837 гг. Онѣ были написаны для близкой, какъ выражается Екатерина Александровна, «единственной ея пріятельницы» Марьи Сергѣевны Багговуть, рожденной княжны Хованской, супруги знаменитаго генерала Багговута, героя кавказской и восточной войны.

Внезапное извѣстіе о кончинѣ г-жи Багговуть въ 1837 г. было причиной, что записки Е. А. оборвались, такъ сказать, на первой своей половинѣ. По самой цѣли, для какой онѣ написаны, а именно какъ исповѣдь, полная глубочайшей искренности предъ задушевнымъ другомъ, записки эти, казалось, должны были бы носить совершенно интимный характеръ, заключающій въ себѣ мало общаго интереса и значенія. Казалось, что записки эти должны бы были ни чѣмъ не отличаться отъ цѣлой массы тѣхъ дневниковъ и всевозможныхъ

сердечныхъ изліяній, къ изложенію которыхъ въ доброе старое время такъ расположены были наши барышни въ извѣстный возрастъ и которыя либо весьма охотно уничтожались ими же самими по приходѣ въ болѣе зрѣлый возрастъ или же валяются и до сихъ поръ въ кучѣ семейныхъ бумагъ ближайшихъ родственниковъ.

Записки Екатерины Александровны Хвостовой никакъ не могутъ быть отнесены именно къ этой массѣ безцвѣтныхъ изліяній. При всемъ интимномъ характерѣ, онѣ полны того именно общаго интереса, который и даетъ имъ право на появленіе въ свѣтъ. Онѣ имѣютъ, по нашему мнѣнію, довольно большое значеніе въ крайне бѣдной, по объему, литературѣ нашихъ отечественныхъ мемуаровъ текущаго столѣтія.

Въ чемъ же заключается общій интересъ этихъ записокъ и ихъ значеніе? Для отвѣта на этотъ вопросъ надо указать на общественное положеніе г-жи Хвостовой въ ту эпоху, которую она описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Екатерина Александровна принадлежала къ довольно извѣстной фамиліи Сушковыхъ. Изъ этой фамиліи выдвинулось два, три писателя, отмежевавшихъ себѣ мѣсто въ рядахъ русскихъ писателей и одна писательница, одаренная, безспорно, значительнымъ талантомъ и занимавшая въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ довольно видное мѣсто въ нашей литературѣ. То была — Евдокія Петровна Сушкова, въ замужествѣ графиня Ростовчина.

Такимъ образомъ принадлежа, по отцу, къ старинной дворянской фамиліи, покойная Е. А. по матери своей, рожденной княжнѣ Анастасіи Павловнѣ Долгоруковой, принадлежала къ именитѣйшимъ родамъ русской аристократіи. Съ этой стороны генеалогія ея

переплетается съ фамиліями не только князей Долгорукихъ, но также и Ромодановскихъ, частью князей Голицыныхъ, князей Горчаковыхъ и др.

Связи эти и родство, не принеся въ жизни Екатерины Александровны ни малѣйшаго ей счастья, въ чемъ она искренно сознается, волей-неволей однако, въ періодъ ея дѣтства и дѣвчества, бросили ее въ водоворотъ великосвѣтской жизни какъ московскаго, такъ и петербургскаго обществъ. Образование, полученное ею, было далеко не блистательно; оно не выдвигалось изъ общаго уровня тогдашняго моднаго образованія, которое получали достаточныя великосвѣтскія барышни. А между тѣмъ стройный станъ, красивая, выразительная физіономія, черные глаза, сводившіе многихъ съ ума, великолѣпные, какъ смоль, волосы, въ буквальный смыслъ доходившія до пятъ, бойкость, находчивость и природная острота ума, все это дѣлало Екатерину Александровну въ періодъ ея молодости замѣтной въ великосвѣтскихъ гостинныхъ и въ балльныхъ залахъ. Добавьте сюда страсть къ танцамъ и ловкость въ нихъ, и тогда будетъ понятно, что Екатерина Александровна была всегда въ свое, давно прошедшее время дорогой гостей на всѣхъ балахъ. Рой поклонниковъ весьма рано жужжитъ вокругъ нея; они принадлежатъ, разумѣется, къ той великосвѣтской средѣ, въ которой принадлежала она сама.

Опредѣливши такимъ образомъ положеніе Екатерины Александровны въ ея молодости, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ и сущность ея записокъ: мы уже знаемъ, что здѣсь не приходится искать ни политическихъ трактатовъ, ни учено-философическихъ взглядовъ, ни глубокой характеристики высшихъ интересовъ

русскаго общества прошлаго времени, но за то мы въ правѣ искать болѣе или менѣе живой очеркъ великосвѣтскаго общества обѣихъ столицъ того времени, описаніе его, какъ съ внѣшней, такъ сказать, парадной стороны, такъ и въ его домашнемъ быту. И дѣйствительно, такому требованію вполне удовлетворяютъ настоящія записки. Предъ нами въ живыхъ эскизахъ проходитъ картина домашняго воспитанія нашихъ великосвѣтскихъ, дворянскихъ барышень первой четверти текущаго столѣтія; мы видимъ наше столбовое дворянское общество въ его провинціальномъ быту на разныхъ торжественныхъ празднествахъ, — наконецъ въ шумной жизни обѣихъ столицъ; при этомъ не однѣ невинныя, радужныя картинки мелькаютъ предъ нами въ этомъ рассказѣ. Нѣтъ! среди веселящихся фигуръ поднимаются и образы въ довольно трагической обстановкѣ, и здѣсь мы видимъ тѣхъ героевъ, которыхъ только могла создать крѣпостная, дворянская Русь стараго времени, при ея распущенности, при томъ жалкомъ образованіи, которое получало въ тѣ годы большинство представителей этого сословія. Въ то же время подлѣ этихъ Куролесовыхъ ¹⁾ новѣйшаго времени поднимается полный романической прелести страдающій ликъ молодой женщины

Такимъ образомъ, еслибъ записки покойной Е. А. Хвостовой ограничивались только живымъ эскизомъ нашего общества за первыя десятилѣтія настоящаго вѣка, еслибъ онѣ охватили лишь нѣкоторыя стороны быта этого общества, то и тогда бы онѣ заслуживали вниманія и имѣли бы право на обнародованіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашей литературѣ очень мало

¹⁾ Известный типъ въ «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова.

мемуаровъ и въ особенности мемуаровъ и воспомина- ній русскихъ женщинъ и каждое новое явленіе въ этомъ родѣ должно считаться не безъинтереснымъ приобрѣ- теніемъ для русской литературы. Но за записками г-жи Хвостовой есть другое и несравненно большее право на общій интересъ въ средѣ русскихъ читате- лей. Почти половина этихъ, къ сожалѣнію, неболь- шихъ по объему, воспоминаній посвящена величай- шему изъ поэтовъ нашихъ, Михаилу Юрьевичу Лер- монтову. Жизнь этого поэта, столь преждевременно погибшаго, чрезвычайно мало извѣстна и весьма не- достаточно разслѣдована. Ранніе ли годы, въ которые погибъ Лермонтовъ, то ли обстоятельство, что онъ, по своимъ семейнымъ и общественнымъ связямъ, стоялъ почти совершенно въ сторонѣ отъ литературнаго круга, въ то время впрочемъ далеко не многочисленнаго, на- конецъ цензурныя ли колодки, сковывавшія рѣчь каж- даго о тѣхъ лицахъ, которыя такъ или иначе навлекли на себя гоненіе и которыя сошли наконецъ съ поприща преступнымъ образомъ,—какъ бы то ни было, но біографическія свѣдѣнія о Лермонтовѣ ограничиваются до сихъ поръ двумя, тремя отрывочными замѣтками, въ высшей степени мало содержательными, небольшимъ запасомъ писемъ поэта, вынырнувшихъ въ разныхъ изданіяхъ изъ-подъ спуда семейныхъ архивовъ, и на- конецъ двумя-тремя десятками статей широковыща- тельно толкующихъ о сочиненіяхъ Лермонтова и весьма мало о его жизни. Въ виду этого, каждый новый рассказъ, знакомящій съ Лермонтовымъ, какъ съ чело- вѣкомъ, представляется уже дорогимъ вкладомъ въ русскую литературу, и особенно, когда появляется не маленькій рассказъ, не отдѣльный эпизодъ, а длинный рядъ живо и увлекательно набросанныхъ воспоминаній

объ этой замѣчательной личности. Именно такія воспоминанія мы находимъ во второй половинѣ записокъ покойной г-жи Хвостовой.

Выше мы сказали, что эти записки ведутъ насъ на балъный паркетъ, въ великосвѣтскія гостинныя московскаго и петербургскаго обществъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Поэтому и Лермонтова мы встрѣчаемъ здѣсь не въ его домашнемъ быту, не за кабинетнымъ рабочимъ столомъ, не за учебной книгой, не за изученіемъ наконецъ лучшихъ поэтовъ Франціи и Англіи. Нѣтъ, предъ нами является 16-ти-лѣтній «косолапый, крайне невзрачной наружности» мальчикъ съ умными выразительными глазами, съ бойкой и злой рѣчью на языкѣ, и съ вѣчно готовымъ стихотвореніемъ на устахъ. Этотъ мальчикъ развивается, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, и въ четыре или пять годовъ, которые выхватываются изъ его жизни въ настоящихъ запискахъ, мы видимъ этого юношу развившимся уже до зрѣлаго мужа. Самолюбіе его необъятно, жажда побѣдъ и первенства на какомъ бы то ни было поприщѣ необыкновенна, рѣшимость, энергія и настойчивость во всѣхъ, самыхъ маловажныхъ поступкахъ — неотразимы. Повторяемъ, въ запискахъ г-жи Хвостовой Лермонтовъ преимущественно является намъ въ сферѣ гостинной, великосвѣтской жизни, но эта-то сторона изъ его біографіи особенно и интересна. Кто не знаетъ, что по своему воспитанію, родственнымъ и общественнымъ связямъ, Лермонтовъ почти исключительно принадлежалъ именно къ этому кругу; кто не знаетъ, что это-то самое общество, заполонивъ молодого поэта, — преждевременно, такъ сказать, и сгубило его, развивъ въ немъ дурныя особенности его характера, которыя привели его подъ пистолетную

пулю армейскаго маіора Николая Соломоновича Мартынова ¹⁾).

Воспоминанія г-жи Хвостовой отличаются замѣчательной искренностью по отношенію къ Лермонтову и именно эта сторона въ нихъ весьма любопытна. Лермонтовъ игралъ въ жизни Е. А. самую крупную роль. Зная это, мы, когда приступили къ чтенію ея воспоминаній, думали встрѣтить въ составительницѣ ихъ барышню большого свѣта добраго, стараго времени, которая, предавшись воспоминаніямъ о своихъ побѣдахъ, безъ всякаго сомнѣнія, подниметъ себя на высокій пьедесталъ и заставитъ въ лучахъ своего сіянія потонуть личность Лермонтова. Но какъ пріятно были мы изумлены, когда увидѣли, что г-жа Хвостова съ полной искренностью, отнюдь не дѣлая изъ себя героиню, является, напротивъ, личностью чуть окончательно не погибшей вслѣдствіе столкновенія своего съ Лермонтовымъ, съ человѣкомъ, на котораго сначала не обращала ни малѣйшаго вниманія и для котораго потомъ принесла весьма тяжкія жертвы.

Записки г-жи Хвостовой обнимаютъ періодъ времени съ 1812 по 1835 г. Онѣ написаны въ 1836 и 1837 годахъ въ деревнѣ, когда еще Е. А. была дѣвицей и спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, испытаннаго ею вслѣдствіе

¹⁾ Н. С. Мартыновъ, котораго судьба повергла въ величайшее несчастіе быть убійцею Лермонтова—живъ; почему бы г. Мартынову не изложить въ подробномъ и откровенномъ разсказѣ всю исторію своихъ злополучныхъ отношеній къ Лермонтову? Искренность исповѣди искупила бы, до нѣкоторой степени, то несчастіе, въ которое г. Мартыновъ былъ, какъ говорятъ, почти противъ воли вовлеченъ; къ сожалѣнію однако, г. Мартыновъ не считаетъ возможнымъ повѣдать русскому обществу ту драму, которая лишила Россію одного изъ ея лучшихъ украшеній.

знакомства съ Лермонтовымъ. Отсюда эта живость разсказа, эта задумчивость исповѣди, отнюдь не предназначавшейся въ то время для печати. Эта исповѣдь съ вѣстью о смерти г-жи Багговутъ обрывается; но она, какъ намъ кажется, и помимо этого событія должна была оборваться: за изложенными въ ней событіями въ жизни Е. А. не было уже такихъ сильныхъ толчковъ и потрясеній: бурный, поэтический періодъ жизни окончился; начался отдѣлъ прозы тихой, быть можетъ счастливой, но уже не просящейся подъ перо.

Е. А. вышла замужъ въ 1838 г. за своего перваго поклонника, Александра Васильевича Хвостова, съ которымъ познакомилась еще въ 1829 г. ¹⁾. Многіе годы своей супружеской жизни Е. А. провела за границей и наконецъ послѣдніе годы провела въ С.-Петербургѣ въ заботахъ о воспитаніи дочерей.

Въ 1860 г. друзья убѣдили ее заняться своими записками, обработать ихъ и дополнить. Е. А., пере-

¹⁾ А. В. Хвостовъ родился въ 1809, скончался въ 1861 г. Онъ служилъ постоянно на дипломатическомъ поприщѣ, былъ секретаремъ при посольствахъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Персіи, директоромъ дипломатической канцеляріи въ Триестѣ, секретаремъ посольства въ Туринѣ, повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Неаполѣ и наконецъ состоялъ, въ званіи генеральнаго консула, въ Венеціи, Марсели и Генуѣ, гдѣ и скончался въ 1861 г. Это былъ человекъ образованный, и, судя по оставшимся послѣ него бумагамъ, довольно дѣлательно работавшій въ предѣлахъ своихъ служебныхъ обязанностей. Мы видѣли его довольно объемистые и интересные рукописные труды на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Такъ напр. г. Хвостовъ оставилъ слѣдующія записки: «О духѣ и образѣ австрійскаго правленія въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ», «De l'état actuel de la ville de Venise», «О выдачѣ американцамъ крейсерскихъ патентовъ и о союзѣ Россіи съ Соединенными Штатами», «О союзѣ навсегда между Соединенными Штатами и Россіею», «Avenir de la question d'Orient», «О вѣрности успѣха экспедиціи въ Индію», «О святыхъ мѣстахъ» и т. д. и т. д.

читавъ исповѣдь свою 1836—1837 годовъ, нашла, что она дѣйствительно имѣетъ не одинъ только частный интересъ и заслуживаетъ появленія въ печати. Но какъ ни принималась она за продолженіе записокъ, отъ всѣхъ этихъ попытокъ остались двѣ-три странички, да небольшое предисловіе къ прежнимъ запискамъ, подписанное 1860-мъ годомъ. Такимъ образомъ, издавая записки Ев. Алек. Хвостовой, мы выполняемъ только ея собственное намѣреніе и никакъ не дѣлаемся нескромными относительно ея памяти. При этомъ въ первомъ изданіи этихъ записокъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1869 г. мы сдѣлали весьма значительныя сокращенія, доходившія до цѣлой трети оставшейся рукописи; сокращенія эти были сдѣланы нами, главнымъ образомъ, въ видахъ журнальныхъ условій, чтобы не занимать въ періодическомъ изданіи слишкомъ много мѣста. Въ настоящемъ же отдѣльномъ изданіи—записки Е. А. Хвостовой являются вполне, безъ малѣйшихъ пропусковъ.

Не коснувшись такимъ образомъ текста записокъ, мы не позволили себѣ сдѣлать никакихъ измѣненій и въ языкъ; вслѣдствіе этого нѣкоторые галлицизмы и вообще обороты рѣчи, которые показываютъ, что составительница записокъ зачастую думала по-французски, хотя и писала по-русски, уцѣлѣли въ слогѣ настоящихъ воспоминаній; впрочемъ, языкъ довольно легокъ, мѣстами даже увлекателенъ, что довольно удивительно, если вспомнить, что Е. А. воспитана была по великосвѣтскимъ тогдашнимъ образцамъ, исключительно на французскій ладъ.

Въ заключеніе скажемъ, что такъ какъ издаваемые записки главнымъ образомъ тѣмъ особенно интересны, что являютъ собою немаловажный мате-

ріалъ къ жизнеописанію поэта Лермонтова, то мы сочли не лишнимъ помѣстить въ приложеніяхъ къ нимъ почти всѣ тѣ статьи и замѣтки, которыя представляютъ данныя къ его біографіи. Въ этомъ сводѣ четырнадцати статей читатель встрѣтитъ на ряду съ статьями, болѣе или менѣе извѣстными, и такія, которыя помѣщены были въ изданіяхъ крайне мало распространенныхъ, либо въ летучихъ газетныхъ листкахъ, обыкновенно — въ самомъ скоромъ времени по ихъ выходѣ—обращающихся въ библиографическую рѣдкость; тутъ же мы сообщили нѣкоторыя и не бывшія въ печати извѣстія о Лермонтовѣ. Впрочемъ, эти послѣднія мы надѣемся, впоследствии времени, нѣсколько пополнить сообщеніемъ на страницахъ «Русской Старины» тѣхъ свѣдѣній, которыя собраны нами отъ нѣкоторыхъ друзей Лермонтова, а именно гг. Л. И. Арнольди, кн. А. И. В—ва, А. Д. Столыпина и друг. лицъ, весьма близко знавшихъ поэта. Въ настоящее же изданіе свѣдѣнія эти потому не вошли, что нуждаются въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ.

Первое изданіе записокъ Е. А. Хвостовой («Вѣстн. Европы» 1869 г. кн. VII и VIII) было встрѣчено въ нашей печати весьма одобрительными отзывами; между прочими явилась одна замѣтка, именно г-жи Надежды Фадѣевой (Соврем. Лѣтоп. 1869 г. № 46), на которой мы считаемъ необходимымъ остановиться.

«Записки Е. А. Хвостовой—по отзыву г-жи Фадѣевой—отличаются такимъ неподдѣльнымъ простодушіемъ, такою чистосердечною откровенностію, рассказъ ведется такъ бойко, картинно, остро, безъ притязаній и ужимокъ, что читая ихъ невольно располагаешься къ безпрекословному довѣрію такой пріятной рассказщицы. Какъ будто видишь предъ собой умную, любезную женщину, испытанную на свѣтской аренѣ жизни, которая въ дружеской бесѣдѣ передаетъ живымъ, задушевнымъ словомъ, свободно и просто, радости и невзгоды своего минувшаго житейскаго поприща, подчасъ со слезами на глазахъ, съ глубокимъ